

пор не знала история» и «кондиционирования» человека в течение его онтогенеза,

8) «Ядерное оружие». Если сравнить угрозу атомного оружия с воздействиями на человечество семи других смертных грехов, то трудно не прийти к заключению, что из всех восьми этого греха избежать легче всего. Можно ясно и определённо сказать, что надо делать против «бомбы»: надо её попросту не изготавливать или не сбрасывать. При невероятной коллективной глупости человечества добиться этого довольно трудно. Величайший вред, который ядерная угроза уже сейчас причиняет человечеству и который остаётся даже в самом благоприятном случае, состоит в том, что оно создаёт общее «настроение конца света».

Литература:

1. Лоренц, К. Оборотная сторона зеркала / К. Лоренц. – М.: Республика, 1998. - 393с.

5.25. Ботько А.Ю., Дождикова Р.Н. И.А. Ильин о вере как «первичной, ведущей силе человеческой жизни»

Эпиграфом к книге И.А Ильина «Путь духовного обновления» послужили слова апостола Павла: «Мы ходим верою, а не видением» (2Кор. 5, 7). Латинское слово «*veritas*», т.е. истина, является близким не только по звучанию, но и по смыслу русскому слову «вера». И все же согласно И.А Ильину, «верить» — это гораздо больше, чем «признавать за истину». О вере позволительно говорить только там, где истина воспринимается глубиной нашей души; где на нее отзываются могучие и творческие источники нашего духа; где говорит сердце, а на его голос отзывается и остальное существо человека. Человек верит в то, что он воспринимает и ощущает как *самое главное* в своей жизни. ...Сколько бы мы ни искали, мы не найдем такого человека, который ни *во что* не верил бы. Чем глубже заглянем мы в человеческую душу, тем скорее мы убедимся, что человек без веры вообще не может жить, ибо вера есть не что иное, как *главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки*. Все люди верят: и образованные и необразованные, и умные и глупые, и сильные и слабые. Одни сознают, что они верят, другие верят, не сознавая

этого. Одни знают и то, что они *верят*, и то, *во что* они верят, а может быть, и то, *на каком основании* они верят. Другие верят просто, не зная этого за собою и, может быть, ни разу в жизни не подумав, во что же это они, собственно говоря, верят и есть ли у них какие-нибудь *основания* для этой веры. Но вера всегда остается *первичной силой человеческой жизни* — совершенно независимо от того, понимают люди это или нет. ...Человек может заблуждаться в своей вере и идти по ложным путям... Но в одном человеку отказано, одного он не может: именно — *жить без веры*.

Люди живут и верят очень часто в слепоте и беспомощности, и не знают, и не догадываются о том, что человеку надлежит *строить свою веру*, а не предоставлять ей расти наподобие полевой травы, и вследствие этого люди очень часто верят. Большинство же верит в *наслаждения* или в *чувственные наслаждения*, во все, что к ним ведет и с ними связано (деньги, развлечения ...), т.е. эти люди творят себе кумиров и поклоняются им. ... Есть некий духовный закон, владеющий человеческой жизнью; согласно этому закону, *человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит*. Чем сильнее и цельнее его вера, тем явственнее и убедительнее обнаруживается этот закон. ...Так обстоит всегда. Если человек верит только в чувственные наслаждения, принимая *их* за главнейшее в жизни, *их* любя, *им* служа и предаваясь, то он сам превращается постепенно в чувственное существо, в искателя земных удовольствий, в наслаждающееся животное; и это будет выражаться в его лице и в его походке, смотреть из его глаз и управлять его поступками. ...Однако тот же самый закон обнаруживается и на благих путях, но с тем различием, что человек будет не «верить», а «*веровать*», и это придаст его вере особую силу и глубину. И.А. Ильин подчеркивает, что в русском языке идее «веры» придается два различных значения: одно связывает веру с потребностью верить, а другое — со способностью веровать. *Верят* — все люди, сознательно или бессознательно, злобно или добродушно, сильно или слабо. *Веруют же* — далеко не все: ибо *верование* предполагает в человеке способность прилепиться душою (сердцем, и волею, и делами) к тому, что действительно заслуживает веры, что дается людям в духовном опыте, что открывает им некий «путь ко спасению» (Феофан Затворник). «Верящие» люди чаще всего не имеют единого и общего им всем

духовного предмета, и потому их вера *разъединяет* их, не создавая ни религии, ни Церкви. Но «верующие» люди имеют единый и общий им всем духовный Предмет; они вступают в творческое единение с Ним, а через это объединяются между собою: слагается религия и церковь. ...Вера живет и в том, кто «верит», и в том, кто «верует». Она выражает у обоих склонность души видеть в чем-то жизненно главное и руководящее и прилепляться к нему своим доверием и преклонением. Но эта приверженность души поднимает человека на настоящую высоту только тогда, когда она находит себе высший и достойный предмет. *Жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть, ибо смерть есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний.* ...Смерть есть та сила, которая обрывает поток повседневных обстоятельств и впечатлений и выводит человека из него; она ставит нас перед основным вопросом: «ради чего ты живешь? во что веришь? чему ты служишь? в чем смысл твоей жизни? ...*То, что не стоит смерти, то не стоит ни жизни, ни веры!* ...Можно понять, что человек отдает свою жизнь в борьбе за свое право, за свободу, за веру, за родину, за храмы, за свой народ, но отдать ее за личные удовольствия — просто *не стоит*.

Верующему свойственно крепко держаться за свою веру — и в жизни, и перед лицом смерти; но именно перед лицом смерти ему неизбежно спросить самого себя: да стоило ли, в самом деле, жить тем, чем я жил до сих пор? верна ли и крепка ли была моя вера? Вот почему каждый из нас должен спросить себя: способен ли я, готов ли я умереть за то, во что я верю? ...Если *да*, то моя вера сильна, глубока и действительна. А если *нет*, то сила моей веры невелика, и, может быть, она невелика именно потому, что прилепилась к нестоящему. ...Человек не может жить без веры, но он может иметь веру слабую и дурную, ибо далеко не всякое жизненное содержание заслуживает веры.

Настоящий ученый прекрасно понимает, что «научная» картина мироздания *всё время меняется*, всё осложняясь, углубляясь, уходя в детали и никогда не давая ни полной ясности, ни единства. ...Настоящий ученый знает, что наука никогда не будет в состоянии объяснить свои последние предпосылки или определить свои основные понятия. ...Этим и объясняется то обстоятельство, что среди настоящих и великих ученых многие питали и питают живую

веру в Бога: их взор не ослеплялся тем, что уже познано и добыто, но оставался прикованным к тайнам мироздания и к скрытым в них богатствам, а созерцание этих тайн пробуждало в них тот внутренний, духовный опыт, от которого рождается религиозное настроение и «верующая» вера. Так, истинная ученость не уводит от Бога, а ведет к Нему. Поэтому «религиозная вера вовсе не связана с «глупостью» и «невежеством»; она нужна всем людям: и самым умным, и самым образованным».

Таким образом, знание и вера совсем не исключают друг друга. ...Тот, кто полагает, что вера есть нечто произвольное, несерьезное и безответственное и что веровать можно только без всяких оснований в недостоверное и выдуманное, — тот жестоко ошибается; и ошибка его проистекает из наивности. ...На самом деле человеческий опыт бесконечно шире, богаче и разнообразнее, чем это представляют себе современные материалисты и безбожники. ...Неумно и вредно закрывать себе глаза на это разнообразие и богатство опыта, культивировать свои *низшие* способности и отвергать или даже отрицать *высшие*. ...В действительности дело обстоит так, что человеку, наряду с чувственными ощущениями, даны и другие, бесконечно более благородные, утонченные и значительные *источники опыта*. Судьба каждого отдельного человека, целых поколений и национальных культур зависит от того, живут ли люди этим опытом, умеют ли ценить, развивать и творчески пользоваться источниками его и т. д. ...Человек не может жить одними чувственными восприятиями, исходя только из них и ограничиваясь только ими... Человеку же присущи, сверх телесных ощущений, еще чувствования, сила воображения, воля и энергия мысли. ...Конечно, можно относиться с презрением к жизни *чувства* — например, к любви, радости, благодарности, уважению, благоговению, чести и патриотизму — и отвергать все это как «сентиментальность», но от этого душевные чувствования отнюдь не исчезнут, они станут только грубыми, злобными, нечистыми и отвратительными, т. е. душевно и телесно вредными, а духовно губительными; они прилепятся к *дурным* содержаниям, и человеческая душа исполнится ненависти, зависти, злости, гордости и мстительности. ...Всё это означает, что помимо внешнего (чувственного) опыта человеку дан еще внутренний

(нечувственный) опыт. И вот, этот *внутренний, духовный опыт и есть истинный источник и истинная область веры, религии и всей духовной культуры вообще*. Воспитать человека — значит, прежде всего, пробудить в нем эти духовные переживания и открыть ему доступ к этому духовному опыту. Только в этом опыте человек может постигнуть, что такое *любовь*, какова ее глубина и сила и в чем ее священное значение. ...Через *духовный опыт человек общается с божественной стихией мира и входит в живое соприкосновение с Богом*. Отсюда возникает «верующая» вера. Здесь зарождается религия и церковь. ...Только духовный опыт — опыт, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию и государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии, — только он может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы, бороться и умереть; открыть ему истинный и единственный *Предмет религиозной веры*. ...Человеку необходим *свет очевидности*, некая несгорающая купина, которая горела бы в нем самом, чтобы он мог и сам возгореться от нее; ему необходим свет неиссякающий и ему самому внутренне доступный. Источник такого света один: это *духовный опыт, в коем человеку открывается лицезрение Божие*. Отсюда — всякая подлинная, «верующая» вера, эта первая и высшая сила человеческой жизни, дающая ему свободный полет через жизнь и смерть. Только здесь человек может обрести своего Бога и Господа и соединить себя с Ним любовью и верностью. ...Самым глубоким и могучим источником духовного опыта и религиозной веры является *любовь*.

5.26. Дождикова Р.Н., Ботько А.Ю. И.А. Ильин о семье как «первоначальной, исходной ячейке духовности».

И.А. Ильин в своей работе «Путь духовного обновления» рассматривает семью как первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. «То, что выйдет из человека в его дальнейшей жизни, определяется в его детстве и притом самим этим детством; существуют, конечно, врожденные склонности и дары, но судьба этих склонностей и талантов — разовьются ли они в дальнейшем или погибнут, и если расцветут, то как именно, — определяется *в раннем детстве*. Вот